

НОВОСТИ

ОТ МАРАФОНА... К РИНГУ!

20 июля Культурно-выставочный центр «Радуга» гостеприимно открыл двери для поэтов Димитровграда. Собрались они для подведения итогов Гончаровских (Лопатинских) литературных чтений и проведения первого в Димитровграде Поэтического ринга

ИТОГИ ФЕСТИВАЛЯ
Лауреатами в различных конкурсах и номинациях признаны следующие авторы:

Конкурс «Строки вольные над Волгою-рекой»
Екатерина Сорри, Татьяна Эйхман (г. Карсун), творческий коллектив молодых поэтов из Карсуна (Ольга Поспелова, Алексей Бараников, Галина Тымбур).

Ночные чтения (номинация «Профи»)
Екатерина Сорри, Павел Слюняев, Татьяна Штрих.

Ночные чтения (номинация «Дебют»)
Алексей Меликулов, Мария Кузнецова.

Лауреаты в общей номинации
Павел Слюняев, Татьяна Штрих, Иван Лебедев, Светлана Зазимко, Лидия Степанова, Валентина Веселкова, Наталья Симонова — все поэзия, Мария Кузнецова (проза).

Конкурс на лучшую авторскую частушку о деревне
2 место — дуэт Гульнара Озеркина и Елена Гейер.
3 место — Лидия Степанова.

Обладательницей приза зрительских симпатий заключительного этапа марафона стала Лисунка в Траве (г. Павловский Посад).

Новая книга

Валентин Манухин, один из наиболее активных авторов «Слова».

С тех пор, как димитровградский читатель впервые познакомился с этим поэтом, прошли годы. Поэзия Валентина Николаевича окрепла как в духовном плане, так и в ярко выраженной гражданской позиции. Бесспорно, вырос и уровень «ремесла», что не менее важно в поэзии, чем мысли и чувства.

Несколько поэтических сборников издано у известного в Поволжье, в Сибири, на Рязанщине литератора. Большую часть своих книг Валентин Манухин издал за свой счет. Книги читаемы и любимы в городе. В них читатель найдет все, что ему дорого: краски родной природы, радости и печали любви, искренняя привязанность к детям и ценности мужской дружбы.

Недавно вышел в свет сборник стихов В. Манухина «Тихий голос родника». В сборник вошли несколько лирических циклов и поэмы автора.

КАК ПОЭТЫ РИФМАМИ «БОДАЛИСЬ»

Этот Поэтический ринг был предельно демократичен в отношении статуса или возраста конкурсантов, поэтому зрительскому жюри пришлось судить поэтов от мала до велика. Представляем десятку участвовавших в соревнованиях поэтов согласно номерам, полученным ими при жеребьевке: Алевтина Зайцева, Регина Ермакова, Алексей Меликулов, Инга Гаак, Леонид Давиденко, Наталья Симонова, Лидия Степанова, Павел Дубровский, Марина Панкратова и Светлана Зазимко.

Если для части конкурсантов публичное выступление со стихами было не в новинку и горожанам уже хорошо знакомо их творчество, то для пятнадцатилетней Региночки Ермаковой это было чем-то вроде игры, и она просто хотела прочитать свои самые первые строки (нарисованные на листе цветными карандашами большими печатными буквами). Для нее это было равнозначно желанию сказать: «Я тоже могу писать стихи».

Алексей Меликулов, Леонид Давиденко и Павел Дубровский не из числа тех поэтов, которые давно не считают количества выступлений на «большой сцене». Для Алексея это было второе (первое — на фестивале в Никольском-на-Черемшане), а вот Леонид и Павел дебютировали. Правда, Павел Дубровский имеет опыт «виртуальных» публикаций в сетях Интернета, а Леонид Давиденко не показывался и там... Им еще только предстояло услышать аплодисменты в свой адрес.

Бои на ринге начинались с чтения стихов на тему «Радуги моей земли». В этом раунде зрительское жюри предельно критично оценило выступление Алексея Меликулова (всего 11 голосов). Едва не проигравшем закончился раунд и для Павла Дубровского. У него и Наталья Симоновой было равное количество баллов — по 13, и только дополнительный

По новизне эмоций и амбициозности участников главным событием вечера стал Поэтический ринг, инициатива проведения которого принадлежала нижеподписавшемуся автору. Десять человек решили выставить свое творчество на суд зрителей и собрать по творческому цеху, выйдя к микрофону, словно на «помощь». Для кого-то это была первая «презентация» написанного за многие годы, и он хотел узнать мнение профессионалов и любителей поэзии, кто-то напротив — вышел померяться талантом, чтобы победить, кто-то ради простого участия, написав первые несколько строк, кто-то, чтобы прочесть стихи любимому человеку... У всех была собственная мотивация, но, пожалуй, среди конкурсантов не было таких, кто хоть немного не волновался перед стартом

поединок между ними (читалось еще по одному стихотворению) дал пропуск во второй этап Павлу. Наивысшие же оценки на старте получили Марина Панкратова — 20 зрителей отдала свое предпочтение ее стихам о природе, Лидия Степанова (19) и Светлана Зазимко (17).

Во втором раунде — «Я за. Я против. Воздержался» — оставшиеся 8 конкурсантов читали стихи, в которых отражается гражданская авторская позиция. Нетрудно было предположить, что среди получивших наименьшие баллы окажется Регина Ермакова, в свои пять лет и знать не знающая, что такое «гражданская позиция». Так и вышло — ее четверостишие получило всего 10 баллов. Но мало кто мог предположить, что лидер первого тура Марина Панкратова тоже окажется среди выбывших. Увы, зал прохладно принял ее стих (9 баллов). Зато в число лучших пробился Павел Дубровский, набравший, как и Светлана Зазимко, 19 баллов. Выше зал оценил только выход на ринг Лидии Степановой — 21 балл.

Третий раунд — «Любовь — начало всех начал» — оказался неожиданно серьезным испытанием не только для Алевтины Зайцевой, которая записала в свой актив лишь 8 голосов членов жюри. Непросто пришлось и Светлане Зазимко, до этого уверен-

но находившейся в тройке лучших — ей пришлось выходить на дополнительный поединок с Леонидом Давиденко, получившим, как и она, 14 баллов. Вторая попытка Леонида оказалась менее удачной, а Светлана получила пропуск в полуфинал, куда уже пробилась Павел Дубровский (22 балла), Лидия Степанова (15) и Инга Гаак (15).

В полуфинале выбранная зрителями четверка лучших соревновалась в написании стихов на тему, которая оставалась неизвестной до начала этого раунда. Никто из полуфиналистов не смог предугадать, что в течение семи минут придется сочинять стихи, которые начнутся со строки «На ринг я вышел в первый раз». Вот здесь-то поэтам и пригодился опыт работы на публике, то есть умение справиться с волнением. Быть предельно точным в выполнении условий не получилось у Павла Дубровского — его стих был вновь хорош, но... оказался не на тему задания. Из-за этой «технической ошибки» он и выбыл из борьбы. Второй проигравшей в полуфинале оказалась Инга Гаак (13 баллов). В финал же вышли Лидия Степанова и Светлана Зазимко (соответственно 18 и 16 баллов).

В заключительном поединке Поэтического ринга поэты демонстри-

ровали умение сочинять слету, отвечая в рифму на вопрос ведущего и арбитра. Обычно на этой стадии ринга им приходится вести продолжительный диалог или спор в стихах (обмен «ударами» до тех пор, пока кто-то один не будет повержен), но в нашем случае использовался менее сложный, щадящий вариант — поэтическая блиц-дуэль, где финалисты каждый по-своему «дописывали» предлагаемую строку до двустопия. Жюри же оценивало мастерство экспромта.

Обмен рифмами не был похож на обмен ударами, тем более что поэтический марафон продолжался более двух часов, и сил на экспромты уже почти не осталось. Видимо, эта деталь не ускользнула и от зрительского жюри, и от третьей судьи (директор НП ПО «Слово» Александр Белов), бдительно следившей за ходом всех баталий на ринге. В итоге результат оказался совсем не таким, каким мог быть, если бы на ринг выходили боксеры. Ничья со счетом 16:16. Пришлось победителям поделить поровну предполагавшиеся в данном случае призовые премии.

В целом, давая оценку данному мероприятию, можно сказать, что за исключением некоторых организационных моментов, оно получилось полным позитивных эмоций и даже открытий. Развивая идею проведения поэтических боев на ринге, в будущем можно проводить конкурсы с участием только молодых поэтов, персональные поединки (один на один) и матчи-реванши, командные бои, можно использовать и иные формы выявления лучших... Думается, что так и будет. Творческий запал у нашей писательской организации есть кому поддерживать, что и доказал первый Поэтический ринг в Димитровграде.

Юрий ШЕРСТНЁВ
Фото Виктории СЛУЦ

Редкие снежно-белые облака на голубом небе дремлют над Бородинским полем. Вдохновенное, в синей оторочке лесов, оно подымается с запада на восток зеленым амфитеатром, показывая долины с ручьями и речками, густые темные колки и перелески, бурные квадраты вызревающих хлебов и великое множество разнообразных памятников: часовен, колонн, обелисков. Под ногами, в буйной высокой траве верещат кузнечики, бойко перекликаются петухи в селе Бородино да из деревни Семеновской доносится заливиный собачий лай.

С кургана, у деревни Горки, где был командный пункт фельдмаршала Кутузова, хорошо просматривается все поле сражения и главные укрепления русской армии: батарея Раевского, Багратионовы флеши, Шевардинский редут. Здесь два века назад рывали гаубицы, ревели медные единороги, блестели штыки и кивера, трещали в пороховом дыму ружейные выстрелы.

Сейчас с застывших в полуденной дреме полей веет теплым хлебным запахом и в доверчивой солнечной тишине слышен деловитый разговор работяг-тракторов.

- Красивый панорам, - говорит мой спутник Махмуд Али, черный, как грач, араб.

На кургане высится памятник Кутузову, поставленный в 1912 году. На каменном постаменте — четырехгранный усеченный конус из серого гранита, на вершине его — бронзовый орел, распластавший крылья, держит в когтях пушечное ядро и лавровый венок, в нише памятника — барельеф: сидящий Кутузов и докладывающий ему генерал.

Махмуд Али теребит меня за рукав и показывает пальцем вверх. Черное тело орла и одно крыло наискось прострочены светлыми дырочками — след автоматной очереди.

- Очень плохо, - говорит он, старательно подбирая слова. — Дырка надо защитить. Забота будет, дырка нэ будет.

Рядом с нами на кургане стоит седой мужчина в мешковатом костюме с мальчишкой лет десяти. Он оглядывается на белозубого, белоглазого араба, глядит на меня, потом берет мальчишку за руку и молча спускается по ступенькам на дорогу. Его запяленные подкованные ботинки сердито грохочут по каменным плитам. Мы переглядываемся и идем за ним.

У подножия кургана стоит скромный памятник советским солдатам, погибшим на Бородинском поле в 1941-1942 гг. Недалеке виднеется заросший бурьяном дот — на серой бетонной стене зияет темный провал амбразуры.

- Вот она, наша забота... - говорит строго мужчина и, отвернувшись, заспешивает на минуту у памятника. Мальчишка тоже принимает солдатскую стойку «смирно».

Махмуд Али несколько смущен, и начинает объясняться. Он живет в России только второй год, но знает и уважает ее историческое прошлое, с которым он познакомился еще будучи студентом Каирского университета. Сейчас он учится в московском вузе и уточняет ранее полученные знания. Он узнал много любопытного, однако ему еще не все пока понятно.

- Вон, через дорога, на деревянной дом красная

лозунг о мире. Везде у вас их пишут. В России все хотят мир. Зачем же лозунг, кого агитировать?

- Н-да-а-а, - вздыхает мужчина, выслушав сбивчивую тираду араба и мои пояснения. — Если бы мир зависел только от нас, то, действительно, агитировать было бы некого.

По дороге к музею знакомимся. Василий Васильевич (так зовут мужчину) скупко сообщает, что он воевал здесь осенью 1941 года, сейчас работает в Харькове, получил отпуск и вот приехал с сыном Витькой поглядеть памятные места.

Витька бежит впереди нас, часто останавливается, раскрывает книжечку-путеводитель, листает, потом кричит нам: «Лейб-гвардии егерскому полку. Вот эта колонна с орлом. Они у французов мост отбили». Через пять минут: «Бородинская церковь, построена в 1701 году. Ремонтируется. Тут кино снимать будут, экскурсовод говорил».

Мы переходим дощатый мостик через Колочу (речка скромная, вброд, пожалуй, перейдешь) и поднимаемся по асфальтированной дороге к музею. Здесь, судя по курганной батарее, был центр сражения.

Белое здание музея утопает в зелени. Особенно выделяется громадный серебристый тополь с грубой шершавой корой.

- Выше дома! — кричит в восторге Витька. — А толщина, смотрите, какая толщина — мы все не обхватим!

Витька сводит нас за руки и расставляет вокруг ствола. Витькины пальцы достают до моих, обхватили.

С некоторым сожалением Витька оправляет костюмчик с пламенеющим галстуком и говорит, что дереву 127 лет. Так написано в путеводителе. Если б ему было 150, то и пятеро не обхватили бы. Но и сейчас он хорош, танк его ни за что не свалит.

- Не свалит, - серьезно говорит Василий Васильевич.

Простенькое дело с охватыванием тополя вроде сближает нас. Василий Васильевич говорит, что с этого тополя наши разведчики корректировали артиллерийский огонь по фашистам.

- Видите, железные скобы по стволу — мои связисты прибывали. Я командиром взвода был в этой дивизии. 32-я Сибирская называлась, полковника Полосухина.

Во дворе музея большая экспозиция оружия: лафеты русских пушек, стволы гаубиц, зарядные ящики, медные единороги (с 10-фунтовыми и полупудовыми ядрами) на лафетах с деревянными колесами и множество орудий Наполеоновской армии: прусский единорог «дельфин», австрийские и голландские пушки, баварские и итальянские гаубицы, польские и французские орудия. Вся Европа работала.

- Идемте, я вам свой дот покажу, - говорит Василий Васильевич.

Анатолий ЖУКОВ

НА ПОЛЕ БОРОДИНСКОМ

Мы идем торной тропинкой, обсаженной березами и елями, на холм, известный под именем «Батарея Раевского». Он напротив музея, в сотне шагов. Во время Бородинского сражения пространство перед батареей и скаты холма были устланы трупами. Укрепление не раз переходило из рук в руки, дрались в рукопашную, а артиллеристы даже пускали в ход банники.

- Такое уж, видно, место, - говорит Василий Васильевич. — У нас тут в октябре полбатальона в один день полегло. Ну и фашистам дали крепко. Видите тот бугор? Наш дот и есть. Запрос, а не развалился. Долго он нас спасал, но все же, когда отходили к Можайску, у меня во взводе два человека остались: здесь полегли ребята. А молодые все, только жить начинали.

На батарее Раевского глазела студенческая толпа. Женщина-экскурсовод, показывая на небольшой постамент, говорила, что это временный памятник Багратиону. Был тут и настоящий, но в 20-х годах его взорвали местные жители. Багратион, мол, белый генерал был, нечего его прославлять.

Махмуд Али, подергав меня за рукав, спрашивает:

- Не результат ли это культ личности?

- Нет. Просто перегнули мужики немного.

- Что есть «перегнули»?

- Пересолили, ошиблись, - отвечает за меня Василий Васильевич. — Они в университетах не обучались, все больше руками действовали. И вообще их надо понять. В империалистическую три года вшей в окопах кормили. А кто над

ними стоял? Генералы. В гражданскую кто хотел нас живьем слопать? Опять генералы! Ну, накопело у людей. Потом разобрались, хотели восстановить, да руки не дошли.

Всю дорогу до флешей Багратиона мы не проронили ни слова. Каждый думал о своем.

Флеши Багратиона находятся в километре от Утицкого леса. Это широкие земляные валы в форме наконечников стрел, остряны вытнутых к западу, в сторону Шевардинского редута — оттуда наступали французы. Укрепление было реставрировано в 1912 году и сейчас хорошо сохранилось. В валах заметны выемки для орудий, рядом площадки и что-то вроде аппарелей или неглубоких ям, где пряталась прислуга. Все это заросло травой, полевыми цветами и так покойно, тихо вокруг, будто мы на старом кладбище. В кустах высвистывают какие-то пичуги, над Утицким лесом гомонят грачи, к дождю, может? А рядом, на старой Смоленской дороге (по ней проложена железнодорожная ветка) кричат паровозы.

Трудно представить, что именно здесь, где склонились в полуденной истоме тучные хлеба, здесь на полутора-двухкилометровом пространстве дралось более 100 тысяч солдат и гремело 700 орудий. Но рядом стоит Витька с путеводителем, и он утверждает, что французы восемь раз атаковали флеши, устила поле трупами.

На одном из памятников я прочитал: «Симбирский пехотный полк. Потери 24 и 26 августа 18 офицеров и 696 нижних чинов». Только в одном полку. А всего в Бородинском сражении

было убито и ранено с двух сторон 96 тысяч солдат, 3100 офицеров и 76 генералов.

Когда Витька называет эти цифры, Махмуд Али вскидывает смоляные брови и выкатывает белки.

- Один сражение — сто тысяч! Колоссаль!

Непривычное слово да еще в тоне восторженного удивления режет ухо. Василий Васильевич хмурится и молча долго глядит на Утицкий курган у леса, где белеют четыре памятника с золотыми крестами и черными орлами. Потом мы идем на Шевардинский редут, и он говорит задумчиво:

- Здесь тогда известные генералы братья Тучковы воевали. Четверо. Трое погибли. Мать, когда узнала об их смерти, помешалась.

- Что есть «помешалась»?

- интересуется Махмуд Али.

- Ну, сошла с ума от горя.

- Да, да, понимай. Льетшик на Хиросима бомбил атомный, тоже помешался потом.

- Ничего ты не понял, - ворчит недовольно Василий Васильевич. — Летчик был разбойник, но и он не выдержал, когда узнал о своем злодействе. Видимо, совесть проснулась. Только японцам от этого не легче. Совестьливый он или негодяй, а город угробил и тысячи людей похоронил разом. Сейчас тоже летают совестьливые. Пауэрс вот был. Все признал на суде и раскаялся даже.

Махмуд Али сокрушенно кивает головой и бормочет: «Да, да, понимай».

Василий Васильевич замолкает и оглядывается назад. По дороге за нами бредет набегающий по курганам Витька. Он разомлел от жары, снял сандалии и шлепает босыми ногами по мягкой пыли. Василию Васильевичу тоже жарко, он перекинул пиджак через плечо и идет в легкой тенниске, открывающей мускулистые волосатые руки. Я плетусь за ним еле-еле. И лишь черный араб в черном вечернем костюме не чувствует зноя: 25 градусов для него не жара.

Мягкой полевой дорогой мы подходим к французскому памятнику «Гранде Арме». На искусственном кургане высится каменный обелиск с бронзовым орлом, который пытается взлететь. Грудь орла пробита снарядом малого калибра, виден шов сварки и заплатка, которой заделана пробоина.

Махмуд Али, владеющий французским, читает надпись и спрашивает, почему фашисты по орлам стреляли.

- От злости, - говорит Василий Васильевич. — Хищники, они ненавидят друг друга.

Махмуд Али озадачен, пожимает плечами, в недоумении разводит руки. Он, убежденный в знании русской истории, не может понять доводов этого сидящего человека, русского мужика с темными мозолистыми ладонями.

По широкой, засыпанной гравием дорожке мы поднимаемся на холм Шевардинского редута, где замк-

нутый пятиугольник из земляных валов, приспособленный для круговой обороны, образует широкую площадку, на которой могли бы играть две волейбольные команды. В центре площадки вытянулся гранитный обелиск с орудийными стволами по бокам — памятник 12-й батарее роте.

После того как отряд генерала А. И. Горчакова, оборонявший редут 24 августа, отступил, курган заняли французы. Здесь был командный пункт Наполеона. Во второй половине дня 26 августа, когда у редута остался последний резерв императора — старая гвардия, а адъютанты на взмыленных лошадях, скакавшие от генералов Даву, Нея и других, докладывали о потерях и просили подкрепления, Наполеон впервые почувствовал холодок ужаса и понял, что его так превозносимый «полководческий гений» бессилен перед волей и решимостью русского народа отстоять свою землю.

Мы идем к западной стороне редута и садимся на заросший травой бруствер покурить. Витька сбегает в ров, где московские школьники едят щавель и собирают цветы.

Жара уже заметно спала. Со стороны Бородино, где много зелени и собираются в Колочу речки Войшик, Стонец и Каменка, веет прохладой. Зашевелились белые груды облаков на затуманенном небе, по полям поползли их рваные тени. Когда от Бородино набегает ветер, яровое поле покрывается волнами, и они плещутся у самого подножия редута.

- Страда, - вздыхает Василий Васильевич. — У меня два брата было до войны, оба комбайнеры. Любили они эту пору. Для них поле родным домом было, там и ночевали. Даже на фронте Иван не забывал об этом. Как-то прислал мне письмо, жаловался, что войска топчут хлеба, а они созрели. Сердито писал, с болью. Я читал в госпитале ребятам, там некоторые раненые колхозники плакали.

Василий Васильевич пристально глядит на араба и неожиданно говорит:

- Вот ты давеча удивлялся, что мы лозунги о мире пишем и вроде сами себя агитируем. А ведь тут все понятно. С начала революции все грозят оружием, живем от войны к войне, а нам мира, покоя хочется, дел у нас до потолка. Потому мы и лозунги везде пишем. На заводах, ледоколах, спутниках — где придется. И голубей рисуем. Голубь — птица мирная, русская.

- А орлы на памятнике? — неуверенно спрашивает араб.

- Орлов не мы ставили. У нас другие памятники.

Махмуд Али прикуривает потухшую сигарету и подвигается поближе к Василию Васильевичу. Его привлекает этот степенный русский рабочий, рядом с ним спокойнее и увереннее себя чувствуешь. С холма нам видно все поле давней битвы с курганами, крестами и орлами на памятниках.

А недалеко от курганов убирают рожь. Мы любуемся, как тракторы с жатками обходят холмики, укладывая возле памятников хлебные валки. И невольно подумалось, что лучших венков на русские могилы, пожалуй, не найти. А могилы эти — сплошь, от Волги до Берлина...

Марина ГРАЧЁВА

Гекате

Взбодри меня, любовь моя!
И бодростью своей
Введи меня в свет завтрашнего дня.
Пусть приоткроет этот день
Все тайны бытия.
Есть только ты.
Есть только я.
И все, любовь моя!
Пусть за порогом бытия останется
Все то,
Что зло шипело нам вослед,
Кляло и пшикало слюну.
Утремся.
И забудем.
Любовь моя!
Ведь важно только то,
Что есть в системе бытия:
Ты, я и наша вечность
Навсегда...

* * *

Тихо-тихо в ночи
чуть шелестит камыш,
И сизым облаком по земле
стелется туман.
Мир замер.
Лишь то там, то здесь
чуть слышно,
чуть тревожно
в полумраке,
в сумраке теней
то ли камыш,
то ли просто туман —
кто-то —
шелестит, шевелится,
шепчет молитву:
«Услышь, Господь! покаянье мое...»
Услышит ли?
Ответ придет с рассветом,
не с этим —
так с другим.
А пока
в полумраке,
в сумраке теней
покаяния просит
заблудшая душа.

Dance in keyboard

(Танцуй на клавиатуре)

Борису

Танцуй, и не забывай о том, что мир —
это всего лишь иллюзия!
И Земля вертится вокруг Солнца,
хотя твои глаза говорят тебе обратное.
Танцуй на клавиатуре, и не беспокойся о том,
что будет завтра.

Танец на клавиатуре — как это романтично!
Непривычно и даже где-то оригинально.
Разве можно танцевать на клавиатуре?
О! Возможно!

Танцуй пальцами рук, выделявай странные па.
Главное, чтобы в твоей голове в это время
звучала музыка,
Даже если
слышишь ее только ты один.

Танцуй на клавиатуре.
Не бойся быть оригинальным!
Ты уже оригинален своим танцем.
Главное, чтобы в голове звучала музыка.
И пусть мир вертится вокруг Солнца,
даже если глаза говорят обратное.

Пусть все будет так, как оно есть.
Мир этого стоит.
И этого стоит танец.
Твой странный танец на клавиатуре.

Алексей МЕЛИКУЛОВ

Пришла весна

Пришла весна, а где любовь?!
А там она, где вновь и вновь
Встречаются сердца, при единении которых
Сбывается мечта, на зависть всех фартовых...
До безобразия чисты их мысли и поступки,
Как первые шаги блаженного малютки...
Мир познавая,
Как и мы с тобой,
Друг другу доверяя...
Дней тихой чередой
Навеки вместе...
Любви все прелести понять,
И не держать в секрете,
И о счастье людям рассказать....

Красота

Когда я вижу твои глаза,
Я просто схожу с ума!
Когда я вижу улыбку твою
Мне кажется, - я в раю!
Зачем красотой сгубила меня?
Обычным парнишкой был я...
Теперь же готов ради тебя
Пройти любые препятствия!..
Я Волгу могу теперь переплыть,
Могу я звезду тебе с неба добыть,
Любые невзгоды могу пережить,
Чтоб только с тобой рядом быть.
Перед тобой меркнут девушки все,
Ты — как сияние света во тьме,
Я восхищаюсь твоей красотой,
Ответь,
что мне сделать,
чтоб быть с тобой?!

Людия СТЕПАНОВА

ГАРМОНИЯ УМА И СЕРДЦА

18 июня - 200 лет со дня рождения
русского писателя **Ивана Гончарова**

Гордимся мы, что он у Волги жил,
Среди родной для нас природы.
Любовь пронес к ней через годы
И с нами щедро разделил.

Его читая, открываем мы
Размеренность простого быта,
Провинциальные визиты
И кротких барышень любовь,
И философские беседы
За продолжительным обедом.
Ах, это все не повторится вновь!

И дорог нам Илья Ильич Обломов
С его неспешной мудростью. И дома
Порой мы так же, как и он
Вкушаем на диване сладкий сон.

Своим романам Гончаров отдал
Гармонию ума и сердца,
К высоким идеалам верность,
Талант, открытость, достоверность,
Сердечных чувств большой накал.

Так будем бережно хранить
Его душевные заветы,
Чтобы расти душой при этом,
Чтоб мудро жизнь свою прожить.

ПАМЯТИ ВЫСОЦКОГО

Снова памятный день.
Двадцать пятое ныне. Июль.
Ты был нужен, как воздух,
Всем, кто в этой стране задышался.
Как свободы глоток,
Твои песни — в них удал и хмель -
Будоражили души людей,
Только ты вот не вынес... сломался...

Только ты не стерпел
Этой вязкой, прилипчивой лжи,
Пропитавшей, как клеем,
Эту жизнь, что всем нам навязали.
Словно факел, сгорел,
На ветру... хоть держи - не держи.
Твои песни рвались из души
И набатом тревожным звучали.

И пускай кто-то там
Мерит жизнь твою меркой простой,
Извлекая наружу
Все огрехи твои и паденья.
Не дано им понять -
Не подходишь под суд ты земной,
Слишком ношу тяжелую нес -
Обладая провидческим зреньем.

Снова памятный день.
Двадцать пятое ныне. Июль.
Мы споем про коней,
Тех, что быстро умчали поэта.
Мы закончим куплет,
И не чокаясь, выпьем скорей...
Как же нам не хватает тебя!
Как душа просит правды и света!

Я — НЕ ПЫЛЬ...

Мне не хочется верить, что я только пыль...
Только пыль на ветру, и не более...
А зачем тогда жить и растрчивать пыль?
И страдать? Проявлять своеволие?
Ведь зачем-то послал нас Господь в этот мир,
И зачем-то даны нам страдания?
Чтобы душу свою человек закалил,
Не бесплодны чтоб были искания
Своего назначения на этой земле,
Вклада в общее наше развитие.
Нет, не верю, что все пропадает во мгле!
Чуют души людей по наитию,
Что есть главный урок — эта самая жизнь,
И учить его стоит как надо.
Хоть порою так сложно, но ты удержишься,
И тебя ожидает награда.
А награда — души предстоящий полет
Прямо ввысь — в беспредельную вечность.
Час настанет — и душу Господь призовет...
Я — не пыль... Я — сама бесконечность!

СЛОВО ТАИТ ТАК МНОГО...

Слово... таит так много.
Слово... им ранить можно.
Слово дано от Бога,
Будьте с ним осторожны.
Выврется — не поймашь.
Так припечатать может!
Слово — и потеряешь
Друга. И совесть гложет...
Но уже нет возврата
К прежним открытым чувствам,
Вот за слова — расплата.
Словом владеть — искусство!
Словом не только ранить —
Можно убить с размаху.
Словом дурным - ославить,
Слово — и как на плаху.
Словом владейте строго,
Зря его не роняйте,
Слово... таит так много!
Цену словам вы знайте.

ДАЙ БОГ

Дай Бог мне реже ошибаться в людях.
Пусть искренних людей прибудет,
Открытых, добрых безвозмездно,
С сердечной теплотой - безбрежной,
За пахую — без камешков,
За похвалой — без самолюбия,
За спинами — без наговоров,
За пустяками — без укоров.
Дай Бог мне мудрости,
Чтоб вновь не ошибаться,
Не обольщаться
И не заблуждаться.

МИРНОЕ УТРО...

«Серия взаимных атак началась в понедельник,
18 июня 2012 г. Боевики «Бригады» в общей сложности выпустили по территории Израиля 96 ракет. Известно о жертвах с обеих сторон. Израильские ВВС, в свою очередь, провели несколько вылетов, в ходе которых атаковали территорию сектора Газа. В результате ударов погибли восемь палестинцев, в том числе один 14-летний подросток».

Мирное утро. Чирикают птицы.
Все хорошо. Ничего не случится
С нами плохого. Все — как всегда:
Ясное небо, мимо - беда.
Нет ни войны, ни смертей, ни бомбежки.
Вижу — ребенок бежит по дорожке -
Весел, забавен, чудесно вихраст.
Рядом с ним мама — упасть уж не даст.
Ценим ли мы это мирное небо?
Ценим ли запах душистого хлеба,
И тишину, и цветов аромат?
Дивный рассвет? Разноцветный закат?

А вот в далекой стране каждый вечер
Вспышками взрывов воздух расцвечен.
Залп! Снова залп! — Смертоносный салют.
В бомбоубежище люди бегут,
Их настигает стремительный залп.
Маленький мальчик... не добежал...
Мама его уберечь не смогла...
Рядышком с сыном навечно легла...

Мирное утро. Чирикают птицы.
Господи! Что же такое творится!
Пусть далеко от меня та страна,
Пусть далеко от меня та война,
Сердце от боли рвется на части.
Мальчик стал ангелом в одночасье...

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

Голоса друзей... Их слаще нету.
Хоть друзья разбросаны по свету,
Хоть они за тридевять земель,
Как когда-то, так же и теперь
Нет их и роднее, и дороже.
Друг и словом добрым мне поможет,
Потому-то для души моей
Есть бальзам — напутствие друзей.
Будь же ты вовек благословенна,
Дружба, что поистине нетленна,
Свет ее развеет все преграды.
Голос друга... как ему я рада!

Татьяна ШТРИХ

К вечеру от жизни уже нет сил.
Я становлюсь как выжатый апельсин.
Синтез моих систем и подкожных жил
Впихиваю в этажи.
В этажах миллионы таких же тел
Соотносящих: кто что хотел
и что получил. И у этих людских личин,
кричи - не кричи, нет причин.
Причин для бед или там обид -
Каждый надежно влип, влит
в постамент и бетоном залит,
чтоб не сбежал. Посмотри:
Вот снизу сосед - инвалид-одноног.
Он перед жизнью наг и убог.
Богу такой, что Царю - по бок,
Но он тут мотает срок.
Сверху - семья: бизнес, деньги (вранье)
И каждое выкрикнутое «е-мое»
в истерике - между бровей копые.
Полощут судьбы тряпье.
Слева - баба-алкашка и
каждая новенькая шабашка
превращается в шабаш
и с шабашом в итоге
она остается. О Боге
думает справа маленькая старушка
с голубыми глазами в морщинах. Игрушки
идет покупать дорогому внуку.
За ужином просит, чтоб лучше кушал.
Он утром проснется, увидит небо
«вот космонавтом стать мне бы»
подумает, но ребром монета
встанет. И раньше небо его поманит.
А миленькая старушка поставит свечку,
Поплачет и скажет «Ему там легче»,
А через месяц сама проснется
вся в белом. И не вернется.
И так год за годом, с рассветом, заходом
солнца, с очередным итогом,
не делающим погоду
глобальному потеплению, все ищут
свободу
не зная броду. Бредут по краю.
До нитки сгорая.

Михаил ВЯЛЬЦЕВ

Лирики и физики

Наука без фальстарта вырвалась вперед...
Желаем ей счастливого пути!
Жаль, лирика в забеге отстает,
Но ей с дистанции нельзя сойти!..
Она рекорды бьет в родной стихии,
Где есть любовь, влюбленных каста...
Диффузий встречных импульсы живые
Среди людей встречаются так часто!..
И лирики, и физики —
Единый драгметалл!..
В нем только пробы разные,
Присадки с разной дозировкой...
Едини те, кто изготовил сплав,
И те, кто этот сплав
Украшил гравировкой!..
Когда глаголов на металле мало,
А прилагательных бесчисленная рать,
Тогда попробуй, лирик, из металла
Зубами электроны вырывать!..
То будет подвиг олимпийского героя,
К тебе придет дыхание второе,
И ты начнешь науку догонять!..

* * *

История — гербарий старины,
С сухими датами восстаний, потрясений...
А где найти пропавшие следы
Старинной музыки, старинных песнопений?..

* * *

Наполненная музыкой душа!..
Всю жизнь, как соловьиная рулада...
И если жизнь, как песня, хороша,
Ей оркестровки никакие не надо!..

* * *

Любил знакомиться с красивыми стихами,
К ним даже музыку пытался сочинять...
Увы! Мы многое не можем делать сами,
Удел наш — восхищаться и внимать...

* * *

Актеров — пруд пруди!
Артистов почти нет...
Художников полно!
А живописцев — малость...
Как говорил великий наш поэт:
Ученых — тьма, а умных не осталось!..

Наука быстро движется вперед,
Ей по зубам частицы микромира!
Изящная словесность отстает,
Догнать не может Пушкина, Шекспира...

Булат ХУСНУТДИНОВ

Истории тёти Тони

У меня есть соседка – тетя Тоня. У нее очень много прозвищ, например, Большая энциклопедия, Светлая голова, Искра божья и. т.д. Она очень много знает. Работает библиотекарем в сельской библиотеке. Вот и вчера она за чашкой чая вспомнила свою молодость. Села поудобней и начала свой рассказ...

ЧЁРНЫЙ БАРАШЕК

«Когда я окончила библиотечный техникум, меня направили в одну маленькую деревушку библиотекарем. Поселилась я у одной пожилой женщины – тети Риммы.

Дни шли своей чередой, ничего особенного со мной не происходило. К тете Римме приехали родные, чтобы забрать ее погостить на несколько дней. Но она стала отказываться. Оказывается, у нее овца на днях должна была обьягниться. Я стала уговаривать ее ехать, чтобы таким образом отблагодарить ее за доброту. Я выросла в деревне, справлюсь. Тетя Римма долго объясняла мне, что делать после того, как ее любимая овечка разрешится. «Занеси ягненка домой, а овцу впускай в четыре вечера и выпускай утром», – сказала она и уехала.

Два дня я караулила овцу, и это случилось. Овечка родила двойню: черного и белого. Они были такие хорошие, красивые, курчавые. Не было предела моей радости. Я все-таки не подвела тетю Римму. Все ее указания исполнял-

ла очень исправно, по расписанию.

В один день, когда я пришла с работы, смотрю: черного ягненка нет! Овца стоит себе спокойно с белым ягненком и хрумкает картофель. У меня екнуло сердце. Я стала искать черного барашка под кроватью, под столом, под печкой – везде, куда только он мог влезть или поместиться. Меня охватил ужас. Выбежала на улицу и стала кричать:

– Люди добрые! Овца съела своего ягненка, помогите, ради Бога, помогите!

Забегала к соседке. Сама плачу, кричу. Волосы растрепаны, вид ужасный. Соседка с испугу прислонилась к печке, ее дети испугались, заплакали. Я, захлебываясь слезами, объяснила ситуацию. Тетя Наиля пришла в себя и стала успокаивать меня. Она сказала:

– Не волнуйся, куда не пропадет твой ягненок, найдется, сколько живу на этом свете, пока не слышала, чтобы овца своего детеныша съела. Перестань плакать. Пойдем, поищем внимательно.

Я шмыгала носом и шла за ней. Зашли в дом, еще раз обшарили весь дом – ягненка нет. Тетя Наиля постояла, подумала и говорит:

– Тоня, открывай подпол и спускайся вниз.

Я сделала так, как она приказывала.

– А теперь посмотри везде очень внимательно. Я, потеряв всякую надежду, стала осматривать подпол. Вдруг передо мной блеснули два злобых зеленых огонька. Я так громко вскрикнула, что тетя Наиля с испугу чуть не упала вниз. А это, оказывается, блестящие глаза черного ягненка, который тоже испугался меня и сильно дрожал.

Обрадовавшись находке, я взяла его на руки, поцеловала, отшлепала и подняла вверх к матери-овце.

Тетя Наиля посмеялась и посоветовала поискать щель, через которую мой ягненок оказался вниз. Я быстро нашла злосчастную лазейку. Это была щель в полу, проделанная для кошки. В щель я воткнула старый валенок и успокоилась.

Но после этой истории в деревне долго смеялись надо мной. Каждый раз при встрече спрашивали «Детка, овца не съела еще твоего черного ягненка?» Да, вот к чему может привести невнимательность.

Альберт Вагизович пришел в себя и спросил:

– Что случилось?

Я, указывая рукой в область сердца что-то промывала. Председатель вскопчил, собрал документы и сказал:

– Пожалуйста, не волнуйся, тихонько встань, я тебя отвезу в больницу.

Тут вошла Рамиля и рассказала все как было. Альберт Вагизович смеялся надо мной до слез и просил произнести хотя бы еще одно слово.

Когда он успокоился, Рамиля взяла сумку и проводила меня домой. Дома та же ситуация. Муж с детьми сначала не узнали меня, потом уложили в постель.

Я два дня лежала в постели. Дети через каждые полчаса меняли холодную воду в стакане, в котором я держала свой длинный язык.

Оказывается, не зря говорят «Язык до Киева доведет». Он не только до Киева, но до гроба может довести. У татарского народа есть такое изречение «Теленне корт чаккыры», которое означает пожелание человеку с длинным языком, то есть, чтобы ужалила пчела его язык. Этого я не желаю даже самому лютому врагу. Это самое страшное пожелание. Кто-то, а это знаю».

Так закончила рассказ тетя Тоня, допивая свой чай. Она поблагодарила нас, и я, проводив ее до околицы, пожелал спокойной ночи.

Лариса ОФИЦЕРОВА

НОСКИ

Шумно. Не пойму – то ли в зале, то ли в моей голове. Мысли разбегаются. Сегодня важный день. Шаг в новую, взрослую жизнь. Получаю диплом... И что с того? Будто с вручением аттестата я не вступила в новую жизнь? Вопрос в слове «взрослая».

Теперь можно выходить замуж, рожать детей, строить карьеру, покупать квартиру... Нет, скорее, все в обратной последовательности. Хотя какая разница? Я взрослая, как хочу, так и поступаю. Ответственность за мою жизнь лежит только на мне.

Сапоги на высоком каблуке. Каблуки теперь важны. Юбка с разрезом, колготки с красивым узором, уложенные волосы.

– Ужасный бюстгальтер. Постоянно лямки слетают. А ведь для Мишки старалась. Подтяни, а? – обратилась ко мне подруга.

Я быстро поправила лямки.

И у меня кружевное белье. Взрослая – можно позволить себе.

– А у меня носки зеленые... – сказал я.

– Что?

– Носки. Зеленые – повторила я. – Знаешь, в белую полоску, как в детстве.

– Точно. И у меня такие были – поддакнула подруга.

НА ПЯТЬ ДНЕЙ

Лист бумаги, которого уже несколько раз касалась ручка, оставляя на нем лишь точки и непонятные завиточки, лежал на столе. Правый нижний угол был измят.

В голове вертелся вопрос: С чего начать?

Когда вдохновение, наконец, приходило, и ручка начинала выводить букву, возникал другой вопрос: Зачем мне это? И ручка снова зависала в воздухе.

Ответы на этот вопрос не было. Аргумент подруги – «тебе полегчает» – не обнадеживал. Не прокручивая весь ее монолог, взятый из кого-то психологического журнала, я понимала, что мне придется это сделать. Выкинув все сомнения из головы, я начала писать письмо. Через несколько часов все было готово, я почувствовала, что на душе действительно стало легче. Может, это было самоуспокоение, но теперь мне было все равно.

– Можно прочесть? – спросила Ира.

– Валая.

«Начну сначала. Все началось с того, что я купила билеты в Санкт-Петербург. Я решила отдохнуть дней пять. Возможно, эта бредовая идея пришла уже тогда, или когда я ехала в поезде, или уже на перроне, или... Есть еще тысячи возможных «или».

Меня встретила подруга Маша, и мы сразу же отправились в общежитие. Комедант быстро оформила бумагу и выдала мне ключ от гостевой комнаты. На радость она оказалась рядом с комнатой Маши. Весь вечер мы рассказывали друг другу новости. Накопившиеся за то время, что мы не виделись. Около полуночи, как это всегда бывает в общежитии, в гости пришли парни из соседней комнаты.

Шумной компанией мы просидели так еще часа три. Я со всеми познакомилась, разговорилась, и можно было сказать, что все мы друзья – не разлей вода. Возможно, именно на этой стадии мой мозг сыграл со мной злую шутку.

– А кто хочет быть моим парнем на пять дней? – спросила я, и повисла гробовая тишина.

Маша смотрела на меня как на сумасшедшую, парни отстраненно и оценивающе.

– Я серьезно. Я не прошу тут же засыпать меня поцелуями или чем-либо еще. Мне просто хочется теплых отношений.

Тут все загалдели: кто-то осуждал, кто-то поддерживал, кто-то говорил, что есть девушка, кто-то просто молчал.

– Хорошо, я согласен – сказал Глеб.

– Ловлю на слове – улыбнулась я.

Потом все снова смеялись, веселились и забыли про этот уговор. Около трех часов ночи все стали расходиться. Когда я уже заходила в свою комнату, меня окликнул Глеб.

– Ты не передумала? – спросил он.

– Нет. Я решила.

– Хорошо. Я тебя прекрасно понял. Спокойной ночи, – сказал он и нежно обнял меня.

– Ты хороший парень, – рассмеялась я и потрепала его волосы. – До завтра.

И завертелось. Мы были хорошей парой. Мы ходили вместе повсюду, держались за руки, обменивались теплыми взглядами, порой совершали су-

масшедшие вещи. Поцелуев не было, нет. Изредка он позволял себе поцеловать меня в волосы или в лоб перед сном. Это были прекрасные пять дней. Сумасшедшие пять дней. Меня словно подменили. Но всему, как известно, приходит конец.

На вокзал меня пришли проводить Маша и Глеб. Когда Маша отошла, Глеб как-то странно посмотрел на меня и сказал самую страшную фразу для всех пар. Но так как мы не были официально парой, меня это не насторожило.

– Нам надо поговорить, – сказал он, держа меня за руки.

– Да?

– Ты можешь оставить мне свои контакты?

– Нет! – застонала я, отстраняясь. – Мы же говорили. Мы просто будем вместе пять дней, а потом просто расстанемся как ни в чем не бывало.

– Разве ты сможешь забыть эти дни?

– Нет, но...

– Что но? Может, мы продолжим наши отношения по-настоящему... – сказал он, снова беря меня за руки.

– Не получится. Ты меня не знаешь. Я совсем другая. Совсем! Настоящая я сейчас бы не разговаривала с тобой, а попыталась побыстрее уйти в вагон и там просто мечтать. Настоящая я никогда бы не произнесла ту фразу. Я бы никогда не каталась по городу в тележке из магазина. Настоящая я никогда бы не делала те вещи, что мы с тобой вытворяли здесь. Здесь был кто-то другой. Я не знаю, откуда это взялось, но я хочу, чтобы это осталось здесь – в Петербурге.

– Ты изменила мою жизнь. И если ты говоришь, что ты знаешь, откуда это взялось, то ты лжешь. И себе и мне. Значит, это живет в тебе, и ты дала этому волю. Ты можешь быть всегда такой, и я могу тебе в этом помочь. Только позволь, – он сжал мои руки.

– Зачем? – лишь вздохнула я.

– Мне это нужно, и тебе.

– Мне нет. Не нужно все усложнять. Мы так решили.

– Но можно же все изменить.

– Нет. Так будет лучше, – сказала я и обняла его. – Все правильно.

– Ты сама не веришь в то, что говоришь, – говорил он, целуя меня в макушку.

– Мне пора.

– Подари мне один поцелуй. Только от настоящей тебя.

– Хорошо.

Он приподнял мое лицо за подбородок и нежно коснулся губ.

– Мы обязательно встретимся, – прошептал он.

Я лишь покачала головой. Посадка закончилась, и поезд тронулся. Я села на свое место и смахнула слезу.

– Черт! – выругалась я. – Мы никогда больше не встретимся.

Никогда.

– Ты как? – спросила Ира, выводя меня из воспоминаний.

– Хорошо. Так и должно быть.

– Но...

– Ты не знаешь, какая я там была.

Я никогда больше не смогу быть такой. Настоящая я ему не нужна.

– Тебе лучше знать.

Она положила письмо рядом со мной и ушла.

На листок упала слеза.

Никогда.

ЯЗЫК МОЙ - ВРАГ МОЙ

Это было в августе. Пчеловоды скачали из ульев мед.

Рамиля, медсестра, с которой я работала в одном здании, пригласила меня выпить чай со свежим медом.

Я с удовольствием зашла к ним. Такой уж я человек, никогда никому не отказываю. Люблю поесть и посплетничать. Рамиля быстро собрала на стол. На сковороде дымилась жареная рыба, вызывая у меня волчий аппетит. Мы с хозяйкой сели и стали есть рыбу. Каждый кусочек таял во рту. Корочка приятно хрустывала на зубах. Я закрывала глаза от удовольствия. За едой прошлись по всему околотку, не оставили в стороне никого. Всем косточки перемыли.

Вот вскипел чайник. Рамиля наполнила его душистым чаем. Запах мяты и душицы распространился по всему дому. Наступила и очередь меда. Спросила откуда, за сколько купили. Мед не свой, поэтому моя ложка часто двигалась между ртом и сахарницей, в которой находился ароматный липовый мед. Я пробовала его и с чаем и без чая. Когда ложка двигалась с очередной порцией меда ко рту, краем глаза я увидела в ложке маленький серый комочек, но не обратила на это внимание. Снова закрыла глаза, чтобы почувствовать аромат меда, но не тут-то было. Что-то сильно кольнуло в язык, меня будто электрическим током ударило. Я не могла произнести ни слова.

Чувствую, что со мной что-то

происходит. Язык стал пухнуть, лицо – расплываться!..

Рамиля посмотрела на меня, быстро открыла чемодан скорой помощи и сделала уколы от аллергии, потом вынула из языка пчелиное жало. Я встала, но у меня кружилась голова, перед глазами ходили круги. Легла на диван.

Через некоторое время встала, пошла к зеркалу и не узнала себя. Из зеркала на меня смотрело какое-то чудо-юдо, глаз не было, лицо безобразное, тело, и так огромное, стало еще больше, как будто его надули. Но самое безобразное произошло с языком. Он так распух, что не находил себе места в рту. Я нашла на столе бумажную салфетку, завернула язык и прикрыла рукой, которую еле подняла до лица. Она была как деревянная.

Рамиля не могла удержаться от смеха. Она взялась сопроводить меня.

По иронии судьбы, в этот день я забыла сумку в кабинете председателя сельского совета. Нужно было зайти к нему за сумкой.

Мы пришли в сельсовет. Рамиля постучалась, открыла дверь и втокнула меня. Сама осталась за дверью. Когда я ввалилась в кабинет, председатель разговаривал по телефону. Увидев меня, он не смог закрыть рот, выронил трубку и окаменел, держа руку около уха. Я села перед ним, краем глазом посмотрела на свою попутчицу, которая каталась со смеху за дверью.